

Исторические предпосылки формирования «новой роли» военных в Перу.

О роли вооруженных сил в истории стран Латинской Америки написано достаточно много работ как в отечественной, так и зарубежной латиноамериканистике. Ряд исследований посвящен периоду 1960–70-х годов, т.е. времени, когда в офицерском корпусе ряда стран сформировались лидирующие группы, воспринявшие национально-прогрессивные и революционно-демократические идеи и сделавшие попытку их практического воплощения. Реформизм перуанского, панамского, боливийского, эквадорского и гондурасского прогрессивных военных режимов привлек внимание мировой общественности к сути и перспективам развернувшегося тогда эксперимента. В научной литературе тех лет освещались многие аспекты «новой роли» латиноамериканских военных. Вместе с тем, нельзя признать данную проблематику исчерпанной.

Изменившаяся шкала ценностей и система координат современного глобализованного мира, естественно, заставляют иначе оценивать события 30–40-летней давности. Необходимо, по возможности, всесторонне изучить ценности и приоритеты политического руководства вооруженных сил. Большого внимания требует исследование предпосылок формирования военных нового типа. По-прежнему остается за кадром борьба течений в вооруженных силах и проблема стабильности лидерства. Предметом специального исследования должны стать политическая мотивация и эволюция менталитета военных.

В основе появления новой роли военных в Латинской Америке лежит целый комплекс предпосылок. Характеристика исторических предпосылок, приведших к формированию военных нового типа и обусловивших «новый» образ их профессионального и политического мышления на примере Перу стала предметом данной статьи. Период складывания предпосылок развернувшейся в 1968–1980 гг. «революции военных» охватывает 50-е–60-е годы, ставшие хронологическими рамками исследуемого предмета.

Проблематика исследования делает необходимым уточнение: в нижеследующем контексте под терминами «военные» и «вооруженные силы» понимается не вся совокупность образующих их субъектов от рядового до маршала, а только их часть — офицерский корпус, как костяк армии, хранящий воинские традиции, обладающий высоким профессионализмом и аккумулирующий ее интеллектуальный потенциал.

Из всей совокупности предпосылок внутреннего порядка в первую очередь следует выделить социальный фактор, ставший одним из важнейших по степени влияния на разработку и восприятие нового мышления военных.

Социальные сдвиги в сторону увеличения средних городских слоев и рабочих в структуре самостоятельного населения Перу стали особенно заметными в результате тех качественных изменений, которые произвела в латиноамериканской экономике Вторая мировая война. С одной стороны, рост цен на агро-сырьевую продукцию Перу, необходимую странам-союзницам по антигитлеровской коалиции, привел к дополнительному накоплению и увеличению золото-валютных запасов перуанского казначейства, часть которых могла быть использована для экономического роста страны. С другой стороны, сокращение импорта из воюющих держав вызвало расширение производства многих, прежде импортируемых, товаров на перуанских предприятиях. Развернулся процесс «импортзамещающей индустриализации». И хотя в Перу он не был таким бурным, как в других, более развитых латиноамериканских странах, тем не менее, его последствия становились очевидными – это высокие темпы роста в добывающем секторе (1950–1955 = 8,6%, 1955–1960 = 11,4%), обрабатывающих отраслях (1950–1955 = 7,6%, 1955–1960 = 6,7%); увеличение удельного веса промышленности в структуре ВВП (в добывающих отраслях в 1950 г. = 5,5%, в 1955 = 6,2%, в 1960 г. = 8,6%; в обрабатывающих отраслях в 1950 г. = 13,7%, в 1955 г. = 14,8%, в 1960 г. = 16,6%).¹

Рост промышленного производства повлек за собой социальные подвижки. Увеличилось количество самостоятельного населения: в добывающем секторе с 55,9 тыс. человек в 1950 г. до 70,8 тыс. человек в 1961 г.; в обрабатывающих отраслях с 335,1 тыс. человек в 1950 г. до 435 тыс. человек в 1961 г.²

Развитие обрабатывающих отраслей, в основном легкой и пищевой индустрии, представленной, главным образом, мелкими предприятиями, привело к увеличению числа мелких и средних собственников, служащих. Согласно переписи населения, проведенной в 1961 г., «независимые труженики» вместе со служащими и студентами составили 50,8 % ЭАН.³

Изменения в социальной структуре неизбежно отражались на составе перуанской армии, нерасторжимо связанной с обществом своим социальным происхождением. Рост численности средних слоев в обществе привел к тому, что в рядах армии увеличилось число выходцев из этого социального слоя. Офицеры «простого происхождения», не имевшие ничего общего с олигархией, в количественном отношении постепенно потеснили ту часть офицерского корпуса, которая происходила из традиционно консервативных кругов. Это стало заметным уже к концу первого десятилетия после Второй мировой войны.

Младшему и среднему офицерскому составу, в силу своего социального происхождения чутко реагиравшему на социально-экономическую ситуацию в стране, наряду с солдатами-выходцами из рабочей среды и крестьянства, были созвучны антиолигархические и антиамериканские настроения и национально-патриотическая риторика. Военные искали объяснения причин существовавшего неравенства, резких социальных контрастов, бедности и нищеты основной части населения, преимущественно индейского. О бедности, более того, о нищете и отсталости перуанских крестьян свидетельствуют следующие данные: 83% крестьянских хозяйств владели участками площадью до 5 га, не обеспечивавшими потребности их семей, не удовлетворявшими прожиточного минимума.⁴ Показатель значения валового национального продукта на душу населения составлял в 1950 г. всего 199 долл.,⁵ а на душу сельского населения — 90 долл. в год.⁶

Военные начали задумываться над вопросом, почему «народ, который нас одевает, нам платит и нас учит», находится в таком бедственном положении.⁷ Поиски ответа на подобные вопросы способствовали формированию более радикального, чем прежнее традиционное, мировоззрения военных. Компоненты формулы «офицер — солдат» со временем начали приобретать не одностороннее, а взаимное влияние, и это взаимовлияние также сказалось на взглядах офицеров, стимулируя их радикализацию.

Основной контингент солдат, проходивших службу на основании всеобщей воинской повинности в течение 2-х лет, составляли индейцы, главным образом, крестьяне и низшие слои городского населения. Свыше половины призывников были неграмотны, говорили только на своих индейских языках — кечуа и аймара — и не понимали государственного испанского языка.⁸ К тому же это был беднейший контингент населения Перу. «Солдат-перуанец вышел из самых глубин своей страны, ...уже в детстве он познал бедность, ...в своей жизни он видел тяжелую и противоречивую несправедливость перуанской действительности».⁹

В то же время малообеспеченные и даже беднейшие слои населения были той средой, из которой вышли и многие руководители перуанской «революции военных». Перуанские вооруженные силы представляли собой всю совокупность нации, все ее слои и все географические районы. 4/5 перуанского генералитета были выходцами из сельских районов и небольших провинциальных городков.¹⁰ Леонидас Родригес Фигероа происходил из семьи сельского учителя, Энрике Гальегос Венеро и Рафаэль Ойос Рубио были сыновьями крестьян. Хуан Веласко Альварадо родился в небольшом городке Такала на севере Перу. «Он жил раздавленным социальной дискриминацией, жертвой которой он стал из-за своего бедного происхождения и отсутствия материальных средств... Его бедность была такова, что тетради приходилось делать самому из обрывков бумаги, которые он находил в типографиях... С

огромным трудом преодолевая безденежье, он поступил в военную школу» и начал свой профессиональный путь с рядового. Также как его товарищи по оружию, в течение многих лет он «научился распознавать великую несправедливость, жестокое насилие, суровые притеснения, которые опустошают жизнь бедняков». ¹¹ Генерал Хорхе Фернандес Мальдонадо, происходивший из семьи телеграфиста, вспоминал: «Мы, военные, почти все бедны и принадлежим к народу... Во время нашей службы мы видели людей, которые ничего не имеют и которые имеют все в изобилии». ¹² В 1968 г. эти офицеры приняли участие в разработке программы перуанского революционного процесса «План Инка».

Оклады офицерского состава перуанских вооруженных сил «соответствовали доходу профессионального специалиста, но были гораздо ниже доходов высшего класса и намного ниже того, что получали военные руководители в других латиноамериканских странах». ¹³ Очень многие военные ощущали пренебрежение и недоверие со стороны олигархии, которая явно старалась держать их на расстоянии, на положении наемных работников.

Вместе с тем в составе офицерского корпуса в ином, по сравнению с армейскими офицерами, положении находились офицеры других родов вооруженных сил — ВВС и ВМФ. Они происходили, как правило, из более обеспеченных семей, находились в более тесных связях с Соединенными Штатами, поставлявшими военное оборудование для авиации и флота. Моряки и летчики проходили подготовку в военных заведениях США. Американская военная миссия в Перу влияла на тактику и организацию этих родов войск, на идеологию их личного состава. ¹⁴ Однако и среди офицеров авиации и флота было немало людей, настроенных патриотически. Кроме того, основную роль в принятии решений, касающихся всего института вооруженных сил, играла именно армия, а не ВВС или ВМФ.

Таким образом, изменения в социальной структуре населения и увеличение в офицерском составе числа выходцев из средних и даже низших слоев стали одной из важнейших предпосылок, повлиявших на разработку и восприятие нового мышления военных.

Другой предпосылкой, повлиявшей на позицию вооруженных сил, стал разгром повстанческого движения в период его кульминации — партизанских боев 1965 г. Правительство Перу было всерьез озабочено началом партизанских выступлений, сочетавшихся с крестьянскими волнениями в департаментах Куско, Хуни и Аякучо. Прессу переполнили сообщения о коммунистической угрозе и возможности повторения в условиях Перу кубинского варианта, раздавались призывы к правительству спасти отечество. Попытки разгромить партизан с помощью полиции не дали результата.

Подталкивая правительство к применению регулярной армии против партизан, представители олигархии в конгрессе запугивали власти тем, что

«страна может попасть в руки «красных» и полумеры тут неуместны».¹⁵ Играв на корпоративных интересах армии, олигархия угрожала военным перспективой ликвидации профессиональных вооруженных сил в случае победы «революции».¹⁶ Вооруженные силы не проявляли большого желания участвовать в подавлении народных выступлений, но, в конце концов, подчинившись приказу, подключились к борьбе с повстанцами. Помимо соображений воинской дисциплины, это объяснялось соображениями профессионального престижа, иллюзиями относительно «представительной демократии» и антикоммунистическими убеждениями.¹⁷

В операциях по разгрому повстанцев было убито 8 тыс. крестьян,¹⁸ вооруженных сил потеряли 56 человек убитыми.¹⁹

Разгром повстанческого движения прозвучал для перуанских военных как сигнал тревоги, заставил их «пробудиться к действительности и увидеть пропасть между социальными слоями».²⁰ Военные вплотную занялись исследованием причин борьбы повстанцев и пришли к заключению, что земельные отношения в Перу настолько архаичны и несправедливы, что если не будет проведено глубоких перемен в аграрной структуре страны, то можно ожидать новых всплесков партизанского движения.²¹ Немало военных задумалось и над тем, как «горстка радикально настроенных молодых интеллигентов могла держать в напряжении тысячи солдат на протяжении нескольких месяцев». А если в будущем выступят широкие народные силы, в первую очередь крестьяне, то что же может произойти в стране?²² Перуанские офицеры приходили к выводу о том, что «одними только репрессивными акциями подрывная война не может быть искоренена окончательно, так как она вызвана причинами, порожденными вопиющими противоречиями национальной действительности».²³

Насилие над мирным крестьянским населением, подозреваемым в сочувствии к партизанам²⁴, нажим на армию и наделение ее полицейскими функциями вызвало недовольство вооруженных сил, способствовало дальнейшему их полеведению и ускорило, в частности, разработку новой военной доктрины перуанской национальной безопасности.

В тесной связи с подавлением повстанческого движения оказались так называемые гражданские действия. Под гражданскими действиями, или военно-гражданскими акциями, понимались действия, в ходе которых личный состав вооруженных сил обучался обращению с гражданским населением, т. е. оказывал помощь жителям тех районов, где проводились военные противопартизанские операции. Помощь охватывала такие сферы, как строительство местных хозяйственных и культурных объектов — сельских школ, медпунктов. Военные строители сооружали дороги, прокладывали водопроводы. Военные врачи и младший медперсонал оказывали населению бесплатные медицинские услуги. Основной целью гражданских действий было завоева-

ние симпатий и расположения сельских жителей к армии и правительству, а не к повстанцам.

Гражданскую миссию вооруженных сил одобряли и в Соединенных Штатах, считая, что армия в Перу и в латиноамериканском обществе вообще — это «рационализированный военный институт», единственный носитель прогресса в условиях неразвитой экономики, политической отсталости и патриархальных отношений.²⁵ Гражданские действия стали составной частью доктрины противопартизанской войны, разработанной Пентагоном наряду с репрессиями и психологической обработкой населения.

Поначалу военным казалось, что достаточно построить в стране хорошие дороги, школы, санитарные пункты, чтобы ликвидировать «наступление марксизма и устранить причины его распространения».²⁶ Однако осуществление военно-гражданских акций поставило военных лицом к лицу с безысходным положением индейского населения в удаленных от центра горных районах Сьерры. Военные 50–60-х годов стали тем поколением вооруженных сил, которое «активно участвуя в военно-гражданских операциях, общаясь к парламентской, правительственной деятельности, различного рода расследованиям, столкнулись с кризисом парламентской системы, политических партий и групп экономической, политической и социальной власти».²⁷ По признанию военных, соприкосновение с жизнью народа убедило их в неспособности властей радикально изменить к лучшему положение нации.²⁸ Интересно высказывание Хуана Веласко Альварадо о том, что если «люди, побуждаемые безнадежностью, восстанут и если армия решится стрелять, в чем нет уверенности, то ей не хватит патронов».²⁹

Гражданская миссия вооруженных сил и противопартизанские действия привели к «совсем иным результатам, о которых и не думали вдохновители этой политики»,³⁰ а именно: способствовали росту гражданского, патриотического сознания военных, вызреванию у них убеждения в антинациональном характере политики правивших в то время правительств.

Определенная роль в процессе эволюции мировоззрения перуанских вооруженных сил принадлежит научно-технической революции (НТР), точнее тем ее отголоскам, которые доходили до страны. НТР выдвинула на передние рубежи электронно-вычислительную технику, ядерную энергетику, химию, космические исследования. В тесной связи развивались наука и военно-промышленный комплекс. Запросы военных стимулировали исследования ученых, в свою очередь, достижения науки делали возможным создание новейших образцов вооружений.

Прогресс в развитии военной науки и техники качественно менял и связанные с этой техникой функции личного состава вооруженных сил. Перед латиноамериканскими, в частности перуанскими военными, возникала необходимость уметь не только командовать, не только знать стратегию, тактику,

строй, штабную работу, но и — что становилось все более важным — разбираться в тонкостях того обширного комплекса дисциплин, без которых нет, и не может быть современного военного дела. По мнению военных теоретиков, «научные и технологические факторы никогда не оказывали такого решающего воздействия на военную организацию, теорию и доктрину войны, как в последние несколько лет». На вооружение взяты электроника, компьютеры, сложное оборудование. «Математика, физика, кибернетика и т.д. представляют собой ныне важный элемент стратегии и тактики».³¹

Необходимость освоения новаций в науке и технике неизбежно будила мысль военных, что в свою очередь, заставляло по-новому смотреть на окружающую действительность и критически осмысливать ее. Военный превращался в технического специалиста. В результате освоения новых типов вооружений коренным образом пересматривались и концепции национальной безопасности. Таким образом, научно-технический прогресс становился еще одной предпосылкой «новой роли» военных.

Неотъемлемой составной частью традиционного менталитета военных был (и остается) католицизм, как господствующая в латиноамериканских странах религия. В Перу 98 % жителей считало себя католиками.³² Перемены, произошедшие в католическом движении в сторону обновления и ставшие особенно заметными в 60-е годы, составили еще одну предпосылку формирования нового мышления военных.

Принятые на Втором Ватиканском вселенском соборе (1962–1965 гг.) решения об обновлении Церкви в сторону ее приспособления к современности подтвердили слова Х.К. Мариатеги, что «католицизму свойственна удивительная способность: он легко приспосабливается к любой эпохе, любой исторической обстановке».³³ Основные положения этих решений были сформулированы в ряде папских энциклик.

Положения энциклики папы римского Иоанна XXIII «*Mater et Magistra*» («Мать и наставница», 1961), одобрявшие, в частности, «представительство трудящихся в средних и крупных предприятиях и их участие в прибылях»,³⁴ перуанские военные прямо заимствовали для своей концепции «нового общества», а после прихода к власти в 1968 г. для внедрения оригинальных некапиталистических форм собственности при создании промышленных общин на предприятиях.

Осуждение неокOLONиализма в энциклике также было подхвачено военными и включено в обоснование внешнеполитической доктрины Революционного правительства вооруженных сил. В том же направлении перуанские офицеры использовали положение энциклики Иоанна XXIII «*Pax in terris*» («Мир на земле», 1963) о мирном разрешении международных споров. Формулировки социально направленной энциклики Павла VI «*Populo-*

rum progressio» («Развитие народов», 1967) не могли не привести к коррозии традиционного менталитета военных.³⁵

В процессе радикализации католической церкви в Латинской Америке «мятежные» священники продолжали создавать «интернационал нищеты против интернационала денег». Позиция перуанского епископата во главе с кардиналом Х. Ландасури Риккетсом, которого считали умеренным обновленцем, свидетельствовала об определенном влиянии сторонников «мятежной» церкви в Перу.³⁶ Ландасури Риккетс говорил «о голоде, в котором живет треть человечества», и предупреждал, что «не будет мира, пока будет хоть один голодный».³⁷ Он подчеркивал, что епископам следует отказаться от клерикального взгляда на мир, церковь должна отождествляться с борьбой за освобождение человека и Латинскую Америку ждет социальная революция.³⁸

В январе 1968 г. перуанский епископат выступил с заявлением, в котором резко осудил олигархию за безысходную отсталость страны и ставил вопрос об освобождении от «международного империализма денег» и засилья олигархии. Перуанский клир обещал даже отказаться от недвижимой и земельной собственности и демократизировать находящуюся под его контролем школьную систему.³⁹

Таким образом, обновленческие веяния в католицизме, оказавшие воздействие на позицию перуанских военных, значительно ослабили влияние консервативной традиции на офицерский состав. В обновленческих идеях Ватикана перуанским военным импонировал новый подход церкви к насущным проблемам социально-политической жизни, к вопросам войны и мира, к борьбе против империализма и тирании, к проблеме слаборазвитости.⁴⁰ Это определило созвучие деклараций руководителей вооруженных сил Перу с христианскими идеями прогресса и справедливости, способствовало формированию нравственно-этических начал концепции революционного гуманизма военных. Церковь стала «влиятельным фактором в изменении мышления офицерского корпуса, большинство которого всегда считало католическую религию составным элементом нации».⁴¹

Большое влияние на формирование «новой роли» военных оказала система их профессиональной подготовки и переподготовки. В Перу действовала широкая сеть учебных центров комплексного и специализированного характера и одни из лучших в Латинской Америке военные учебные заведения различного профиля для подготовки командных кадров. Здесь слушатели, преподаватели и специалисты наряду с чисто военными исследованиями занимались глубоким изучением перуанской действительности. Высококвалифицированные профессора и преподаватели стремились готовить специалистов с высоким уровнем культуры и патриотическим мышлением. Именно этот ракурс преподавания шаг за шагом формировал профессионалов нового

типа. Своеобразным генератором новых военных доктрин стал Центр высших военных исследований (КАЭМ — Centro de Altos Estudios Militares), созданный в 1950 г. не только как учебное заведение, но и как центр, изучавший проблематику перуанской национальной действительности.

В речи, посвященной открытию первого цикла Центра (1951), его директор Хосе дель Кармен Марин сформулировал основы той философии, которая позднее была развита КАЭМ. Он подчеркивал прямую и существенную ценность духовного и материального потенциала страны для вооруженных сил.⁴² Специалисты КАЭМ предлагали достаточно радикальные методы решения злободневных задач социально-экономического развития. Например, в опубликованной каэмистами в 1963 г. работе «Государство и его генеральная политика: определение национальных задач» прямо говорилось о том, что для Перу нужны аграрная реформа, плановая экономика, индустриализация, ликвидация неграмотности и безработицы, возвращение нефтяных богатств. Здесь же подчеркивалось, что «побуждаемая нищетой и несправедливостью» нация имеет право на радикальные перемены.⁴³ Если проблемы не будут решены сверху, то «реформа придет снизу, от самой массы, с помощью кровавой социальной революции».

Развитию страны, рассуждали военные специалисты КАЭМ, препятствует иностранное господство в экономической и военной областях, а также царящая в стране экономическая и социальная несправедливость. Следовательно, эффективная оборона немыслима без кардинальных преобразований общественных структур на принципах социальной справедливости.⁴⁴ Чтобы иметь сильную и могущественную армию, необходимо иметь и процветающую родину, способную содержать такую армию. Эти рассуждения военных специалистов легли в основу доктрины «национальной (интегральной) безопасности» Перу.

Вместе с тем, рассматривая процессы, происходившие в вооруженных силах, не следует переоценивать демократического содержания в мировоззрении военных. Изучение военными национальной гражданской проблематики напрямую зависело от потребностей армии и, следовательно, носило в определенной степени прикладной характер.

Тем не менее, аккумулируя осмысление национальной действительности, преподаватели и выпускники КАЭМ вели трудный поиск адекватных решений, и генерировали основы нового мышления военных. Возникал новый вектор освоения ими исторического пространства. Происходил процесс артикуляции интересов вооруженных сил как группового субъекта, т.е. процесс формулирования военными их требований, которые вскоре были перенесены в сферу принятия политических решений.

Вышеперечисленные предпосылки внутреннего порядка тесно переплетались с внешними факторами.

Во второй половине 40-х гг. «холодная война» и межамериканское сотрудничество под контролем США на базе подписанного в сентябре 1947 г. в Рио-де-Жанейро «Межамериканского договора о взаимопомощи» ужесточили политический климат в большинстве латиноамериканских государств. В тот период процесс формирования радикальных взглядов среди перуанского офицерства протекал в крайне сложных условиях. Перуанские вооруженные силы следовали общеконтинентальному консервативному курсу: в 1948 г. при опоре на армию был свергнут конституционный президент Перу Х.Л. Бустаманте и установлена диктатура М. Одрия.

Одним из факторов влияния на эволюцию взглядов перуанских вооруженных сил стала военная политика Соединенных Штатов. В 50–60-е годы Перу занимало одно из первых мест на континенте по размерам военной помощи, получаемой от Соединенных Штатов, по числу подготовленных в США офицеров, по размаху деятельности американской военной миссии, готовившей перуанских военнослужащих к противопартизанским действиям.⁴⁵

Новое в военной политике США заключалось в том, что нужно было обеспечить стабильность и порядок внутри латиноамериканских стран для выполнения программы «Союз ради прогресса», а это ориентировало вооруженные силы на борьбу с экстремизмом на «внутреннем фронте», на уже упоминавшиеся «гражданские действия» для изоляции «подрывных элементов».⁴⁶ В начале 60-х годов военная миссия США в Перу, как, впрочем, и в других латиноамериканских странах, приступила к подготовке перуанских военных к проведению карательных противопартизанских операций. Была увеличена американская военная помощь и расширен контингент военнослужащих, проходивших подготовку в американских специальных школах и центрах противопартизанской борьбы (в 1961–1966 гг. там обучалось 3750 перуанских офицеров).⁴⁷ В основу их теоретической подготовки были положены концепция «внутреннего фронта», где географические границы были вытеснены границами идеологическими, концепция «взаимозависимости» стран Западного полушария, идеи «американской демократии», антикоммунизм.

Задача Пентагона состояла не только в том, чтобы «американизировать военную доктрину и тактику, но и военное снаряжение латиноамериканских стран».⁴⁸ Соединенные Штаты долгое время сохраняли монополию на поставки военного оборудования перуанской армии, флоту и авиации. Кроме того, американская военная миссия в Перу оказывала большое воздействие на идеологические воззрения перуанских военных, особенно на офицеров военно-морского флота.

Национализм перуанских военных столкнулся, «как и во всех слаборазвитых странах, с тем вопиющим противоречием, что военные на практике

зависят от иностранных материалов для выполнения своей миссии, которая заключается в защите нации».⁴⁹ Политика США задевала гордость перуанских военных, «не желавших мириться ни с отстранением от процесса модернизации, ни с навязыванием им полицейской роли».⁵⁰ Таким образом, под воздействием политики Соединенных Штатов в военной и идеологической области формировалась антиамериканская составляющая нового мышления военных, направленная, в частности, против трактовки военных как американизированных зомби.

Переломным моментом внешнего порядка, повлиявшим на эволюцию мировоззрения перуанских военных, можно считать победу кубинской революции. Разгром кубинскими повстанцами профессиональной армии антинационального режима Р.Ф. Батисты стал для вооруженных сил латиноамериканских стран уроком, из которого предстояло сделать выводы.

Победа кубинской революции подорвала теорию «географического детерминизма» об особой зависимости Латинской Америки от США в силу их географической близости. Впервые в истории латиноамериканских стран одна из них отказалась от односторонней ориентации на экономическую, политическую и военную мощь США. Более того, она смогла выстоять в отчаянной конфронтации с Соединенными Штатами. Перу, как и все остальные страны Латинской Америки (за исключением Мексики) под давлением Соединенных Штатов разорвало отношения с Кубой. Данный разрыв был связан не только с идеологической и политической подоплекой, но и с экономическими интересами «сахарной олигархии», получившей возможность заменить Кубу в экспорте сахара на рынок США.

Кубинская революция продемонстрировала большие возможности освободительного движения в Латинской Америке. Радикальные аграрные преобразования послужили примером революционного решения аграрного вопроса. Ощутимыми и привлекательными для других развивающихся стран были централизованное, всеобъемлющее и гарантированное государством социальное страхование и соцобеспечение, успехи в области культуры и образования.

Перуанские офицеры рассматривали кубинский опыт в его совокупности, относясь к нему скорее позитивно, чем негативно. Такое отношение перуанских военных не могла испортить даже шумиха, поднятая вокруг проблемы «армия–революция». То, что революционное правительство Кубы распустило «старую» армию как часть государственного аппарата режима Батисты, было истолковано как расправа с профессиональными вооруженными силами и, следовательно, представляло угрозу армиям других стран, в случае, если они последуют кубинскому примеру. Аргумент «вульгарного антимилитаризма» сохранял свою силу немногим более двух лет, в мае 1961 г. на Кубе были созданы регулярные вооруженные силы. В их состав вошли

сухопутные войска, ВВС и ПВО, ВМФ, а также народная милиция и так называемое территориальное ополчение.

Таким образом, можно признать кубинскую революцию одним из внешних факторов влияния на мировоззрение перуанских офицеров. Доказательством тому стали, в частности, новые ориентиры внешнеполитического курса перуанских военных после их прихода к власти.

Еще более сильное влияние на поколение военных 50–60-х годов оказали националистические, антиимпериалистические акции полковника Г.А. Насера в Египте. Насеризм отождествлялся в сознании патриотически настроенных военных Латинской Америки с идеологией антиимпериализма, с политикой защиты национальных интересов. «Значительным вкладом насеризма в революцию «третьего мира» стал пример того, что можно изменить традиционную миссию вооруженных сил в зависимых странах... Египетская армия порвала с контрреволюционной схемой, которую колониализм и неоколониализм навязали вооруженным силам развивающихся стран: роль гаранта социальной неподвижности и жандарма политического строя, подчиненного интересам иностранцев и местных олигархий».⁵¹

Деятельность президента Насера, возглавившего сначала офицерскую организацию, сумевшую произвести революционный переворот в стране, а затем осуществившего комплекс социально-экономических мероприятий в пользу подавляющего большинства населения, его курс революционного национализма, идея некапиталистического пути развития получили в кругах перуанских военных высокую оценку. Идеология насеризма вдохновляла перуанских офицеров на разработку соответствующей условиям Перу революционной стратегии, а практика насеризма внушала надежду на то, что задуманное могло осуществиться.

Одним из глобальных процессов развития мира после Второй мировой войны стало крушение колониальной системы и появление нескольких десятков новых независимых государств Азии и Африки.

Осмысление процесса деколонизации и особенно проблемы выбора путей дальнейшего развития освободившихся стран не могло не повлиять на идейную ориентацию перуанских военных. С одной стороны, пробуждение «третьего мира», противостоящего двум сверхдержавам и стремящегося установить «власть бедных стран» подвело перуанских военных к не вполне адекватной трактовке роли стран «третьего мира» как решающего фактора международного равновесия и безопасности.⁵² С другой стороны, военные считали, что Перу принадлежит к категории развивающихся афро-азиатских стран и имеет с ними общие цели и интересы. Так, ситуация в странах «третьего мира» стала предпосылкой формирования новой, отличной от традиционной, идеологии военных в Перу.

Таким образом, предпосылки складывания нового мышления и, следовательно, «новой роли» перуанских военных были различными. Это и перемены, вызванные Второй мировой войной, в частности, социальные подвижки, повлиявшие на изменение состава вооруженных сил, и понимание военными проблем национальной действительности, в первую очередь, бедственного положения индейского крестьянства, и изучение причин повстанческого движения, и участие в военно-гражданских акциях, и обновленческие идеи в католической церкви, и влияние научно-технической революции, и высокий уровень профессиональной подготовки и деятельности КА-ЭМ, и изменения, происходившие в Латинской Америке и в мире. Эти факторы в своей совокупности на протяжении 50–60-х годов обусловили эволюцию мировоззрения военных от традиционного к новому мышлению, положенному в основу революционно-демократических преобразований, совершенных перуанскими военными после прихода к власти в 1968 г. Проявлением новой роли военных стала концентрация их политической воли, выражавшаяся не только в решимости, но и способности реализовать поставленные ими цели в сфере политической власти на фоне высокого уровня объективной альтернативности — относительного равновесия сил и одновременно полярности перуанского общества.

---

¹ Analisis y proyecciones del desarrollo economico. VI. El desarrollo industrial del Peru. Naciones Unidas, CEPAL. Mexico, 1959. P. 9, cuadro 13. Экономика Перу в 1950–1970 гг. Статистический сборник. М., 1972. Табл. 3, 4, 6, 17.

² Analisis y proyecciones del desarrollo economico... P. 9, cuadro 13.

³ Censo Nacional de Poblacion de 1961. Lima, 1962.

⁴ Primer censo nacional agropecuario. Lima, 1966. P. VIII.

⁵ Экономика Перу в 1950–1970 гг. (Стат. сборник) / Сост. В. Рябинин. М., 1972. Табл. 1.

⁶ Peru. Tenencia de la tierra y desarrollo socio-economico del sector agricola. Washington, 1966. P. 293.

⁷ Morales V.H. Capitan de Corbeta: Del «Porteñazo» al Peru. Caracas, 1971. P. 38.

⁸ «Problemas internacionales», noviembre–diciembre de 1972. P. 18.

⁹ Velasco. La voz de la Revolución. Discursos. Lima. 1971. P. 245.

¹⁰ Villanueva V. Nueva mentalidad militar en el Peru? Lima, 1969. P. 92.

¹¹ Velasco. La voz de la Revolución. Discursos. P. 246. El Correo, 29 de septiembre de 1974.

¹² Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке. М., 1979. С. 241.

¹³ Monteforte Toledo M. La solución militar a la peruana. México, 1973. P. 34.

¹⁴ Villanueva V. Ejército Peruano. Del caudillaje anárquico al militarismo reformista. Lima, 1973. P. 311.

-
- ¹⁵ Astiz C. Pressure Groups and Power Elites in Peruvian Politics. Ithaca-London, 1969. P.157.
- ¹⁶ Villanueva V. El CAEM y la Revolucion de la Fuerza Armada. Lima, 1972. P. 150–151.
- ¹⁷ Шульговский А.Ф. Указ. соч. С. 286.
- ¹⁸ Nueva mentalidad militar en el Peru? Lima, 1969. P. 62.
- ¹⁹ Mercado R. Las guerrillas en el Peru. Lima, 1967. P. 62–64.
- ²⁰ La Prensa, Lima, 22.VIII.1972.
- ²¹ Stepan A. The New Professionalism of Internal Warfare and Military Role Expansion./«Authoritarian Brazil. Origins, Policies and Perspectives». New Haven, 1973. P.61.
- ²² Einaudi L. Revolution from Within? Military Rule in Peru since 1968. Rand Corporation, Santa Monica, 1971. P. 9.
- ²³ Villanueva V. El CAEM y la Revolucion de la Fuerza Armada. P. 140.
- ²⁴ Villanueva V. Ejército Peruano. Del caudillaje anárquico al militarismo reformista. P. 301–302.
- ²⁵ North L. Civil-Military Relations in Argentina, Chile and Peru. Berkeley, 1966. P. 56.
- ²⁶ Oiga, N 515, 12 de marzo de 1973.
- ²⁷ Baella Tuesta A. El Poder Invisible. Los primeros mil dias de la Revolucion Peruana. Lima, 1976. P. 72.
- ²⁸ Villanueva V. Nueva mentalidad militar en el Peru? Lima, 1969. P. 28.
- ²⁹ Moreira N. Modelo Peruano. Buenos Aires, 1974. P. 50.
- ³⁰ Peru Hoy. Fenomenos, problemas, soluciones. V Congreso Nacional del PCP. Lima, 1969. P. 33.
- ³¹ Revue of International Affairs. October 5–20, 1972. P. 14.
- ³² The Church in the New Latin America. Notre Dame, 1964. P. 25.
- ³³ Мариатеги Х.К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963. С. 206.
- ³⁴ Григулевич И.Р. «Мятежная церковь в Латинской Америке. М., 1972. С. 114.
- ³⁵ Там же. С. 118.
- ³⁶ The Church in the New Latin America. Notre Dame, 1964. P. 44.
- ³⁷ Fesquet H. Diario del Concilio. Milano, 1967. P. 660.
- ³⁸ Григулевич И.Р. Указ. соч. С. 227.
- ³⁹ El Tiempo, 28.1.1968.
- ⁴⁰ Documentos sociales y Documentos pastorales de la 2-a Conferencia general de Episcopado Latinoamericano. Buenos Aires, 1968.
- ⁴¹ Aguirre Gamio H. El proceso peruano. Cómo, por qué, hacia dónde. México, 1974. P. 118.
- ⁴² Ibid. P. 111.
- ⁴³ El Estado y su política general: determinación de objetivos nacionales. Centro de Altos Estudios Militares. Lima, 1963. Vol. 3. P. 92, 49.

---

⁴⁴ Bourricaud F. Perú: el círculo vicioso, o militares y políticos. — Rafael Beltrán V. El papel político de las Fuerzas Armadas en América Latina. Caracas, 1970. P. 221.

⁴⁵ Бушуев В.Г. Латинская Америка — США: революция и контрреволюция. М., 1987. С. 35.

⁴⁶ Шульговский А.Ф. Указ. соч. С. 57.

⁴⁷ США: экономика, политика, идеология, 1971, № 5. С. 120.

⁴⁸ Reimann Weigart E. y Rivas F. Las Fuerzas armadas de Chile. La Habana, 1976. P. 12.

⁴⁹ Villanueva V. El CAEM y la Revolucion de la Fuerza Armada. P. 175.

⁵⁰ Ibid. P. 66.

⁵¹ Moreira N. Modelo Peruano. Buenos Aires, 1974. P. 34.

⁵² El Peru y su política exterior. Lima, 1971. P. 291.